

Инь Шоу, зритель в зоопарке больших панд, возвращался со смены под проливным дождём. Он торопливо шагал, прячась под зонтом, как вдруг небеса разверзлись. Оглушительный грохот, ослепительная вспышка — и небесный разряд ударил точно в него. Тело содрогнулось, в глазах потемнело, и Инь Шоу рухнул наземь, лишившись чувств.

Сквозь пелену забвения до него доносился шум ливня — то далёкий, то нарастающий, превращающийся в нестройный гул. Голова раскалывалась так, будто её дробили камнями. В бреду Инь Шоу ещё помнил, как падал, и отчаянно надеялся, что кто-нибудь подберёт его, иначе захлебнуться в луже — позорнее смерти не придумаешь.

Превозмогая тошноту и пульсирующую боль в висках, он медленно приоткрыл веки. Ожидаемые потоки воды на него не падали. Перед глазами всё плыло, но в нос ударил такой густой, липкий смрад, что Инь Шоу едва не вывернуло наизнанку. Ощущение было слишком натуральным для сна.

Зрение постепенно прояснялось, хотя головокружение не отпускало, придавая всему окружающему налёт нереальности. Он лежал на ступенях в огромном зале, залитом светом огней. Убранство напоминало декорации к историческому сериалу: в центре зала чернел глубокий бассейн, в котором плавали какие-то чаши и кубки. Инь Шоу прищурился, пытаясь рассмотреть детали своей близорукостью, но расстояние было слишком велико.

Вокруг бассейна, словно брошенное тряпье, неподвижно лежали люди. Снаружи всё так же шумел дождь — единственный звук, который казался Инь Шоу настоящим. Он замер в растерянности, не понимая, где явь, а где морок. Если это сон, то почему так воняет кислым вином и так невыносимо ломит голову? А если реальность — то где он, чёрт возьми, находится?

Стиснув зубы, Инь Шоу сел и огляделся. Сзади него тянулись ступени, ведущие к высокому помосту. Там стоял столик, заставленный яствами и кувшинами... всё в духе глубокой древности.

Он коснулся затылка — пальцы стали влажными и липкими. Увидев на ладони густую кровь, Инь Шоу почувствовал, как к горлу подкатил ком. Кое-как справившись с тошнотой, он заметил на себе странные одежды. В панике вскочил на ноги, едва не рухнув обратно от резкого приступа дурноты.

На нём был чёрный халат, расшитый золотыми нитями. Сложный, причудливый узор так и дышал властью и богатством.

«Что происходит? Откуда на мне это платье?»

В голове зашумело, и в сознание хлынул поток чужих воспоминаний. Они накрыли его с головой, словно штормовая волна. Перед глазами замелькали обрывки образов, сопровождаемые жуткими словами: «Винное озеро и мясной лес», «пытка сожжением на бронзовом столбе», «разврат и тирания». В ушах пронёсся чей-то безумный хохот — и Инь Шоу с ужасом понял, что этот смех принадлежал ему самому. Точнее, тому, в чьём теле он

оказался.

Последнее, что запечатлелось в памяти прежнего владельца: он собирался сойти с помоста, но поскользнулся, нелепо замахал руками и рухнул, приложившись головой о край ступени. Тьма.

Инь Шоу замер, поражённый до глубины души.

«Винное озеро... пытки... Пойдите, это же атрибуты самого известного тирана в истории. Неужели я — Чжоу-ван?!»

Он недоверчиво посмотрел на бассейн в центре зала, и в нос снова ударил кислый запах застоявшегося спиртного.

«Да ну, бред... Я что, действительно переродился в теле деспота?»

За окном всё так же неистовствовала гроза. Инь Шоу казалось, что судьба сыграла с ним злую шутку.

Шатаясь, он направился к выходу, отчаянно надеясь найти хоть какое-то доказательство того, что всё это — лишь дурацкий розыгрыш. Но память Чжоу-вана продолжала раскрываться, как старый свиток. Дела правителя были плачевны: империя разорена, репутация смешана с грязью, верные слуги казнены. Где-то в Сици уже подняли мятеж Цзи Фа и Цзян Цзыя, армия повстанцев вот-вот двинется на столицу Чаогэ. А прежний Чжоу-ван даже не чесался, переложив все заботы на государственного наставника Шэнь Гунбао.

«И на кой чёрт я здесь нужен? — Инь Шоу едва сдерживал истерический смех. — Чжоу-ван уже одной ногой в могиле. Разве можно повернуть историю вспять?»

Тут его прошиб холодный пот. Обычно в другой мир попадают, когда прежний владелец тела выпускает дух. Значит ли это... Инь Шоу обернулся и посмотрел на злосчастные ступени у трона.

«Ну конечно. Вчера он грохнулся отсюда и расшиб башку. Насмерть. Иначе бы я здесь не оказался».

Но ведь в учебниках писали другое! Чжоу-ван должен был погибнуть в огне, бросившись с башни Лутай после разгрома при Муе. Хронология не сходилась. До финального пожара было ещё далеко, а тиран умудрился самоликвидироваться раньше срока, просто споткнувшись по пьяни.

«Я что, теперь должен доигрывать за него этот спектакль и сгорать заживо ради исторической достоверности?»

Инь Шоу горько усмехнулся.

«Ай да Чжоу-ван... Удружил так уж удружил. Помер вовремя».

Он подумал о своей жизни в двадцать первом веке. Если он здесь, значит, там его тело тоже погибло от удара молнии. Обидно до слёз: примерный гражданин, честный труженик, панд выращивал — и за что его так?

В этот момент над дворцом снова грохнуло так, что задрожали стены. Инь Шоу вздрогнул. Ладно, лучше не гневить небеса. Один раз уже умер, хватит. По крайней мере, сейчас он не раб в кандалах, а великий ван. Пусть и непутёвый, но всё же правитель, а в этом жестоком обществе — это уже немало.

Инь Шоу распахнул двери. Снаружи едва брезжил рассвет, дождь лил стеной. Прохладный ветер принёс запах мокрой земли и свежести, немного прочистив затуманенный разум.

Стражники у дверей синхронно склонились в глубоком поклоне:

— Великий Ван.

Инь Шоу сдержанно кивнул. Обернувшись на разгром в зале, он откашлялся и велел:

— Когда дождь стихнет, приведите этих бездельников в чувство и приберите здесь всё.

Благодаря памяти оригинала, с языком проблем не возникло.

Стражники бросились исполнять, а Инь Шоу направился в свои покои. По пути он старался избегать лишних глаз. Заметив под навесом кадку с дождевой водой, он поспешно отмыл руки. Кровавые разводы стекали вниз, смешиваясь с грязью. Рана на голове под волосами отозвалась резкой болью. Инь Шоу зашипел, осторожно промакнул затылок краем рукава — на чёрной ткани пятна были незаметны — и умылся, чтобы окончательно прийти в себя.

«Вроде не видно. Главное — вести себя естественно».

До своих покоев он добрался, петляя по коридорам и стараясь не смотреть на падающих ниц слуг. К такому поклонению ещё предстояло привыкнуть. Инь Шоу решил, что образ холодного и немногословного тирана — самая надёжная маскировка. Меньше слов — меньше шансов проколоться.

Первым делом он велел подготовить ванну. От него несло перегаром и какими-то благовониями так, что терпеть не было сил.

Скинуть расшитое одеяние оказалось той ещё задачкой. Инь Шоу бился с поясом добрых десять минут, проклиная древнюю моду и едва сдерживаясь, чтобы не полоснуть по шёлкам ножом. Наконец, разделавшись с нарядом, он залез в бадью.

Тело Чжоу-вана было изнеженным, кожа — бледной. Годы излишеств не прошли даром, хотя в отражении воды всё ещё угадывались черты некогда статного и грозного мужчины.

«Типичный непутёвый государь».

Голова снова поплыла. Инь Шоу боялся, что потеряет сознание прямо в воде, поэтому поспешил закончить с мытьём. Сил не осталось совсем. Сейчас ему хотелось только одного: забиться под одеяло и проспать вечность.

Выгнав слуг и строго-настрого запретив его беспокоить, он рухнул на кровать. Прохлада бамбуковой циновки и свежий воздух из окна подействовали умиротворяюще.

«Плевать на всё, — подумал он, закрывая глаза. — Я теперь официальный самодур. А короли на утренние советы не ходят».

Сон был тяжёлым. Инь Шоу то и дело выкидывало из одной реальности в другую: то он кормил бамбуком панд в Чэнду, то тонул в вязких, грязных воспоминаниях Чжоу-вана.

— Проснитесь, Великий Ван...

Голос был нежным, певучим, как звон нефрита.

— Мой повелитель...

Кто-то настойчиво тряс его за плечо. Инь Шоу с трудом разлепил веки и сел. Голова тут же взорвалась болью. Перед ним, прямо на краю ложа, сидела женщина необычайной красоты.

Инь Шоу замер. При взгляде на неё у любого нормального мужчины перехватило бы дыхание, но он лишь почувствовал нарастающую тревогу.

«Ослепительная. Роскошная. Но увы... не в моём вкусе».

Он молча отстранился, высвобождая руку из её ладоней.

— Я в порядке.

Если она так прекрасна, значит, это легендарная Дацзи, из-за которой пало царство Шан.

Теперь ему придётся как-то иметь с ней дело, а это пугало больше, чем грядущая война. Инь Шоу старался не смотреть на неё. Взгляд невольно скользнул ниже — на её грудь, едва не выпрыгивающую из глубокого выреза платья. Он тут же отвернулся, чувствуя, как лицо заливают жар.

Дацзи в недоумении приподняла бровь. Она видела, что Ван в каком-то странном замешательстве. Протянула руку, чтобы коснуться его лба, но Инь Шоу дёрнулся, как от удара.

— Что ты делаешь?! — выпалил он, глядя на неё с неприкрытым подозрением.

Дацзи замерла.

«Я? Да ничего особенного...»

Инь Шоу понял, что перегнул палку. Реакция была слишком резкой для влюблённого монарха.

«Спокойно. Это же Дацзи. Лисица в человеческом обличье».

Он невольно покосился на её поясицу, пытаясь разглядеть под шёлком рыжий хвост. Сама мысль была абсурдной — Дацзи из истории была женщиной, а не демоном, — но после перемещения в другое тело он уже ни в чём не был уверен.

Дацзи прищурилась. Почему он так странно на неё смотрит? И зачем выискивает что-то у неё за спиной?

«Неужели хвост вылез?» — мелькнула у неё тревожная мысль.

<http://bllate.org/book/17393/1648518>